

ЕДИНОЕ
НАЧАЛО

А. М. ВОИН

Наука
и лженаука

DirectMEDIA

Александр Воин
Наука и лженаука

«Директ-Медиа»

2015

УДК 001.9
ББК 72

Воин А. М.

Наука и лженаука / А. М. Воин — «Директ-Медиа», 2015

Александр Миронович Воин – кандидат философских наук, писатель, руководитель Международного Института Философии и проблем общества. В своей книге «Наука и лженаука» А. М. Воин говорит о состоянии современной науки и степени ее поражения лженаукой. Книга состоит из статей, написанных автором в разное время, каждая из которых – конкретный пример лженауки. Как отличить науку от лженауки? Ответ на этот вопрос дает писатель в своей книге.

УДК 001.9

ББК 72

© Воин А. М., 2015
© Директ-Медиа, 2015

Содержание

Вступление	5
Концепция устойчивого развития	7
Системный анализ	10
Синергетика и Единый Метод Обоснования	11
Биоэтика или оптимальная этика	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

А. М. Воин

Наука и лженаука

Вступление

Проблема различения науки от лженауки существует с тех пор, как существует сама наука, но сегодня она несравненно важнее и актуальнее, чем когда-либо в прошлом. Наука стала основной производительной силой, без которой невозможно само существование современного человечества: необычайно разросшееся и продолжающее расти, современное человечество просто не сможет себя прокормить без науки, ибо ресурсов, которые может дать природа без помощи науки, не хватит и для десятой доли нынешнего человечества. С ростом значения науки растет и количество занятых в ней людей и затраты общества на науку. И хотя пока что эти затраты с лихвой окупаются плодами науки, но эффективность их непрерывно снижается, что связано именно с отсутствием четких критериев, отделяющих науку от лженауки. Престиж ученого сегодня высок, поэтому в науку желает попасть все больше бездарей, а отсутствие упомянутых критериев способствует этому проникновению. Причем эффективность падает не только потому, что в науке набирается все больше бесполезного балласта, но и потому, что бездарь забивает научные информационные каналы своей псевдонаучной болтовней, в которой тонут ценные работы. Она также потихоньку пролазит на руководящие научные должности, а, пролезши, начинает препятствовать признанию настоящих научных работ, как из-за неспособности понять их, так и защищая свой престиж. Широко известный пример тому – запрет генетики и кибернетики в Союзе, приведший к отставанию Союза в этих важных областях от Запада и сыгравший тем не последнюю роль в крахе Союза. Конечно, в этом зажиме сыграли свою роль и идеологические установки правящей партии, но и роль бездарных ученых, пробравшихся в руководство наукой, здесь тоже имела место. Это примеры того, что стало известно широкой публике. А сколько еще подобного осталось неизвестным для большинства людей, далеких от науки...

Еще важнее, чем зажим правильных и нужных обществу теорий, – принятие официальной наукой в качестве доказанных теорий лженаучных построений. Здесь речь идет уже не о снижении эффективности науки, а о прямом вреде обществу, который может быть колоссальным и трагическим. Это особенно очевидно в сфере гуманитарных и общественных наук, в которой, кстати, бездарей набилось несравненно больше, чем в сфере естественных наук. Поскольку даже критерий практики, который в сфере прикладных и технических наук почти достаточен для различения науки от лженауки и более менее работает в сфере естественных наук, в сфере гуманитарной и общественной не работает вовсе. Что проку от того, что мы за 70 лет жития по марксистской теории на практике убедились, что эта теория неверна? Ведь для 2–3-х поколений людей эти 70 лет уже не вернуть, не воскресить замученных в сталинских лагерях, а тем, кто выжил, еще долго нужно будет напрягаться, чтобы наверстать упущенное вследствие неправильно выбранного пути развития по теории, которая на самом деле не научна. Да и ненаучность марксизма признается далеко не всеми. Ведь негативные результаты всегда можно списать на неправильное понимание и осуществление правильной теории. Тем более что и сами результаты, в отличие от того, что мы имеем в технических науках, здесь можно до бесконечности оспаривать и шельмовать. Что мы и видим сегодня в случае с марксизмом. То же самое происходит не только с марксизмом, но и с другими гуманитарными и общественными теориями, получившими статус научных, но в действительности таковыми не являющимися. Например, с фрейдизмом и всевозможными психоаналитическими теориями, от него производными. Или с различными философскими учениями, оказавшими достаточно

сильное влияние на развитие западного и не только западного общества, такими как экзистенциализм, ницшеанство и другими.

Еще одна область, в которой критерий практики недостаточен для эффективного отделения науки от лженауки и где принятие ложных теорий наносит колоссальный вред обществу, – это макроэкономика. Благодаря применению неправильных, а, значит, не научных макроэкономических теорий мы сталкиваемся с экономическими кризисами, сегодня глобальными, сотрясающими весь мир, приводящими к неисчислимым бедствиям и чреватый вооруженными конфликтами, вплоть до мировой войны. И то, что в результате такого кризиса мы начинаем понимать, что соответствующая макроэкономическая теория не научна, вряд ли может служить даже слабым утешением.

И, наконец, может быть, самым страшным результатом распространения лженауки (а сегодня она распространена настолько, что можно говорить о новом средневековье) является утрата обществом веры в науку, в научную теорию, особенно в гуманитарной сфере. Это приводит к примитивизации общества, особенно опасной в наш век технического могущества человечества, овладевшего, в частности, различными видами оружия массового уничтожения. Первобытные инстинкты, агрессия, имеющаяся в природе человека и сдерживаемая авторитетом той или иной принятой в обществе гуманитарной теории, с утратой авторитета научной теории, как таковой, высвобождаются в виде пещерного национализма, фанатичной религиозности и иных форм массовой агрессии (футбольные ультрас, гопники и несть числа прочих). Что мы и наблюдаем сегодня в виде множества бессмысленных революций, вооруженных конфликтов и войн и распространения терроризма на планете.

Теоретическое решение проблемы различения науки от лженауки дает развитый мной единый метод обоснования научных теорий. («Единый метод обоснования научных теорий», Алетейя, СПб, 2012 и ряд статей в философских журналах и сборниках). В частности из этого метода вытекают и критерии научности.

Что касается этой книги, то в ней дана картина состояния современной науки и степень засилья ее лженаукой. Книга составлена из статей, написанных мной в разное время, каждая из которых описывает конкретный случай лженауки, с которым мне приходилось сталкиваться в процессе моей философской и научной деятельности. А поскольку мне приходилось участвовать во многих конференциях и семинарах, включая международные, и лично общаться с рядом ученых, в том числе занимающих самые высокие посты в официальной науке и философии, то, надеюсь, мне удалось представить читателю объективную, широкую и яркую картину состояния современной науки.

Статьи, вошедшие в книгу, расположены не в хронологическом порядке их написания, а так, чтобы разворачиваемая картина состояния науки была более удобна для восприятия читателя. В связи с этим ссылки, которые в первоначальном виде делались только на те мои работы, которые существовали на момент написания данной статьи, в книге я поменял на ссылки на более поздние варианты этих работ. Скажем, в исходном варианте статьи была ссылка на другую статью в ее интернет варианте, а в книге дана ссылка на более поздний вариант, опубликованный в журнале, или на книгу, вышедшую с тех пор, где я соответствующий вопрос раскрываю более полно. В других случаях, когда хронология написания и публикации статей играет роль в правильном понимании перипетий борьбы, связанной с признанием – непризнанием моей философии, я оставляю ссылки в исходном варианте.

Концепция устойчивого развития

Речь пойдет о концепции устойчивого развития общества (страны, человечества), разработанной под руководством ректора Киевского Политехнического Института академика Згуровского в руководимом им (по совместительству) Институте Системного Анализа в рамках международной программы, в которой участвует множество научных организаций из многих стран мира. Цель программы – создание международной сети по сбору и обработке информации (экономической, климатической и т. д.) и разработка на ее основе моделей, которые должны помочь человечеству и отдельным странам двигаться в правильном направлении. Одной из таких моделей и является «Концепция устойчивого развития», которую в рамках международного сотрудничества было поручено разработать Украине и в ней Институту Згуровского (Кстати, в развернутом виде она называется «Глобальное моделирование процессов устойчивого развития в контексте качества безопасности жизни людей»). И вот позавчера в КПИ Згуровский докладывал о результатах этой работы.

Устойчивость развития общества выражается в модели 3-х мерным вектором с компонентами: экономика, экология и социальное развитие. Устойчивость считается тем большей, чем больше этот вектор. Закончив изложение модели и не вполне ясно, в какой связи с ней, Згуровский изложил следующую информацию, основанную на солидном фактическом материале. По мере технического (технологического) развития человечества частота межгосударственных, межнациональных и т. д. конфликтов и их разрушительная мощь нарастают, причем в последнее время достаточно круто. К этому выводу можно прийти, и не обрабатывая массу информации методами системного анализа на компьютере. С помощью дубины невозможно истребить столько народу, сколько с помощью атомной бомбы. И тут возникает такой вопрос. Экономический рост, являющийся одной из компонент вектора устойчивого развития, тесно связан с технологическим ростом. Получается, что, развивая технологии, мы увеличиваем устойчивость развития (по модели) и одновременно увеличиваем частоту и разрушительную силу конфликтов. Так что, рост частоты и мощи конфликтов это и есть устойчивость? Так зачем она нам такая нужна?

А разве только частота и разрушительная сила конфликтов связаны с техногенным развитием человечества? А разрушение экологии планеты с ним не связано? Правда, экология введена в модель как одна из компонент вектора устойчивости и поэтому максимальная устойчивость по модели может быть достигнута только при сохраняющей экологию технологии (технологиях). Поэтому для высокоразвитых стран устойчивость по модели в этом отношении (но не в отношении конфликтов и прочего) будет совпадать с устойчивостью, соответствующей здравому смыслу. Но для развивающихся стран модель и в этом отношении может вступать в противоречие со здравым смыслом. Страна, стремительно развивающая свою экономику за счет разрушения экологии, скажем вырубки лесов, может выглядеть в модели как наращивающая устойчивость. Но завтра она может оказаться в кризисе за счет того, что этот ее ресурс исчерпается. Кстати, все человечество приближается к глобальному кризису такой природы из-за исчерпания запасов углеводородов. Это устойчивость?

Но и вне связи с экологией экономический рост способен приводить к кризисам, примеры которых хорошо известны из истории. Т. е. прежде, чем вводить экономику как одну из компонент вектора общей устойчивости процесса развития, нужно исследовать на устойчивость сам процесс развития экономики. Этого нет в модели Згуровского.

Возвращаясь к роли научно технического прогресса. С его ростом нарастают не только конфликты. А опасность техногенных катастроф типа Чернобыльской? Это устойчивость? Есть и еще много факторов риска, нарастающих вместе с ростом технологий (таким, каков

он есть сегодня, и в сочетании с другими параметрами сегодняшнего человечества и многих стран).

Т. е. по большому счету при всем огромном объеме проделанной работы (и затрат на нее), предложенная модель – это вообще не модель или модель неизвестно чего, но не устойчивого развития.

И это не случайно. Я уже писал («Системный анализ»), что системный анализ, вопреки заявлениям многих его адептов, включая самого Згуровского, не является сверх наукой. Он имеет свою область применения и попытки использования его за пределами ее ведут к профанации науки и одурачиванию общества.

Для моделирования процесса устойчивого развития общества необходимо владение теориями устойчивости, развитыми в физике и, особенно, в механике, которые дают, прежде всего, понятие о том, что такое вообще устойчивость. Если бы создатели модели Згуровского владели этим понятием (понятиями, ибо есть не одно понятие устойчивости), то не могли бы предложить модель, по которой рост устойчивости совпадает с нарастанием частоты конфликтов и их мощи. А наиболее подходящим аппаратом для моделирования устойчивости именно общественных процессов является моя теория детерминизма, изложенная во 2-й части моей книги «Неорационализм». В ней я применяю методы, разработанные в физических теориях устойчивости, к исследованию процессов, текущих в обществе. (Понятия детерминизма и устойчивости, как я показываю, тесно связаны между собой). Там я рассматриваю, помимо прочего, влияние на устойчивость сугубо человеческих факторов (системы ценностей, морали, духа и т. д.), которые в физике, естественно, не рассматриваются. Правда, я не довожу там дело до оцифровки, я строю модель на качественном уровне. Но любое моделирование должно начинаться с построения модели на качественном уровне, с определения главных параметров, влияющих на процесс, связей между ними и т. д. Если вы не учтете в модели главных параметров, влияющих на исследуемый процесс, и не учтете всех зависимостей между этими параметрами, то какую бы вы математику, в частности системный анализ, не напихали потом в модель, вы получите эрзац, завернутый в красивую обертку, не более того. В модели же Згуровского не учитываются ни дух, ни мораль, ни даже ограниченность ресурсов на планете. И многое другое. Кстати, нужно еще научиться включать дух в рациональные модели общества. Насколько мне известно, до меня этого никто не делал. А у меня этому посвящена 5-я глава «Неорационализма», которая так и называется: «Место духа в рациональных моделях общества».

А без всего этого концепция, разработанная в институте Згуровского, не просто бесполезна, она принесет огромный вред, соизмеримый с важностью решаемой проблемы. По большому счету речь ведь идет о выживании человечества. И человечество начинает уже осознавать эту проблему и выделять огромные средства на ее решение (хотя надо и еще большие). И когда в качестве решения проблемы предлагается такой эрзац, то это не просто напрасная трата денег.

Это – опасный обман человечества. Настоящие ученые и мыслители, обеспокоенные судьбой человечества, уже десятки лет предупреждают человечество об опасности его неустойчивого развития и, если бы человечество давно прислушалось к их голосам и начало своевременно делать то, что надо, то не была бы разрушена экология, и не висели бы над нашим существованием другие угрозы. Теперь, когда человечество, наконец, очнулось от спячки и начало искать решение этой проблемы, ему в качестве решения предлагается эрзац. Причем этот эрзац предлагается от имени авторитетных ученых, академиков из авторитетных научных учреждений, в рамках международной супер программы. И в связи с этой авторитетностью он, скорей всего, будет принят и проблема будет считаться теоретически решенной, и правительства и международные организации начнут действовать в соответствии с рецептами этой концепции. А это значит, что не просто будет потеряно драгоценное время, проблема не просто не будет решаться, она будет усугубляться и будет усугубляться быстрее, чем она усугублялась бы без

программы. А, кроме того, попробуй теперь достучись куда-нибудь с настоящим решением, если «у нас уже есть решение, разработанное авторитетными инстанциями». Сахаров когда-то говорил, что в науке нет авторитетов, есть только доказательства и аргументы. К сожалению, так должно быть, но действительность далека от этого идеала и сегодня более, чем когда-либо в прошлом. Что из себя представляет сегодня, как правило, ученый авторитет? Как правило, это люди типа того же Згуровского и академика Барьяхтара (о котором речь будет в дальнейшем). Это действительно ученые, но не мыслители широкого плана, каковыми были настоящие ученые в прошлом, во времена Декарта, Ньютона, Эйнштейна. Они – специалисты в своей области, скажем, в физике. Мало того, не в физике вообще, а еще уже, например, в атомной физике. За пределами этой области они не умеют мыслить. А наше время ставит задачи максимально широкие. И они берутся за решение этих задач (ведь это почетно и прибыльно). И при этом они не готовы выслушивать ни доказательств, ни аргументов от тех, кто способен решать такие задачи и имеет уже наработки в этом направлении, но волей обстоятельств не занимает равного им положения в научной иерархии. Что ими при этом движет, амбиции или неспособность понять, пусть они сами скажут.

Системный анализ

Появление все новых и новых междисциплинарных исследований, интегративных наук, включающих в себя ряд классических или работающих на стыке между ними это, с одной стороны – веление времени, связанное с самим процессом развития науки и с усложнением задач, стоящих перед человечеством, с другой – мода с соответствующими ей, как и всякой моде, халтурой и жульничеством. Жульничество проявляется прежде всего в преувеличении значимости для общества новой дисциплины, а следовательно и ее представителей, и выколачивании последними для себя финансирования, нарушающего оптимальное распределение ресурсов, отпускаемых обществом на науку в целом.

Типичным в этом отношении представителем междисциплинарных исследований и интегративных наук является системный анализ. С одной стороны, его представители наработали ряд методик для поисков приемлемого решения некоторых типов сложных задач, возникающих перед обществом и требующих привлечения специалистов из многих областей знаний. Методики эти нельзя даже назвать наукой в строгом смысле слова, т. к. они включают и такие вещи, скажем, как экспертные оценки. Но не в этом халтура, поскольку, если при решении насущных задач мы не можем обойтись без экспертных оценок, то не грех использовать оные, если это ведет нас к цели. И в ряде зафиксированных в истории случаев, вроде создания сложных видов и систем вооружений в период второй мировой войны, системный анализ сыграл свою положительную роль.

Но с другой стороны есть порода халтурщиков – пиарщиков от системного анализа, подающих его как сверх науку, чуть ли не заменяющую все остальные, включая философию. Преуспели они в своей пиар деятельности настолько, что в недавнем прошлом (да и сейчас не прошло) было не просто модно, а чуть ли не обязательно, для всякого рода публичных людей, политиков и журналистов, прежде всего, пересыпать свои речи к месту и не к месту словом «системно» и его производными. (Я уже упоминал как-то журналиста Удовика, который в одной своей статье употребил это слово 50 раз).

Логика пиарщиков от системного анализа, раздувающих его значимость до небес, такова. Системный анализ начался с посылки Вернадского, что мир, вселенная – един, единая система, в которой все взаимосвязано и поэтому надо учитывать влияние всех факторов. И системный анализ, якобы, в отличие от всех прочих наук, это делает. И посему все должны пасть перед ним ниц и финансировать без ограничений. Но дело в том, что число факторов, влияющих на любой реальный процесс, – принципиально бесконечно, посему системный анализ не может сделать того, что обещает, и те его представители, которые надмеваются продать его нам, как сверх науку – жулики.

И до появления системного анализа и после главная задача при решении любой проблемы – это выбор главных факторов, влияющих на процесс, и пренебрежение второстепенными. Эта задача принципиально не формализуема в общем виде, не алгоритмизируема. Это – искусство и дар Божий. Поэтому никакой системный анализ ее не решил и не решит. Для частных случаев можно наметить кой-какие хода и это то, что и было сделано реальным системным анализом. Это полезно там, где это уместно. Но крайне опасен и вреден перенос этих приемов из области, для которой они наработаны, в близкую, но отличную, когда «похоже, но не одно и то же». А благодаря жуликам от системного анализа это часто происходит: люди, не имеющие хорошей школы мышления, тяготеющие использовать готовые рецепты, вместо того, чтобы шевелить мозгами, обманутые пиарщиками системного анализа, берут те или иные его рецепты и применяют их вроде бы к таким же случаям, но для которых рецепт на самом деле не годится. Что при этом происходит, понятно.

Синергетика и Единый Метод Обоснования

Синергетика сегодня в моде. Как справедливо отмечает ученый – синергетик Ю. Данилов в статье «Роль и место синергетики в современной науке» (http://sky.kuban.ru/socio_etno/), это приводит к профанации этой науки как недобросовестными учеными, подвизающимися в этой области, так и людьми к синергетике никакого отношения не имеющими, но украшающими свои речи ее терминологией без малейшего понимания ее, в целях произведения впечатления своей «глубокой научности» на аудиторию. Ю. Данилов приводит много хороших примеров птичьего языка» жуликов от синергетики («За терминологической трескотней там скрывается «абсолютная пустота»). Я мог бы добавить их и от себя, но не буду, поскольку гораздо важнее другое.

Дело в том, что не только жулики от науки и вне ее, спекулируя на синергетике, переводят ум за разум обществу, но и серьезные ученые – синергетики, включая того же Ю. Данилова, неправильно понимают роль и место синергетики в науке. По Ю. Данилову выходит, что синергетика – это сверх наука («мета наука»), дающая всем прочим наукам общий язык, которого они никогда раньше не имели.

Почему же она – сверх наука? А вот от того что, во-первых, аппарат нелинейных дифференциальных уравнений, который она использует, может быть использован в разных сферах, будь то физика, химия или социология. Пардон, пардон! А аппарат линейных дифференциальных уравнений, разработанный изначально для одной лишь механики, разве в дальнейшем не распространился на все прочие разделы физики, а также на химию, биологию? И в экономике, и в социологии он тоже находит свое применение. И разве не породило это в свое время, вместе с успехами механики так называемое механистическое мышление, принесшее много вреда? Если танцевать от аппарата, то на роль сверх науки могла бы претендовать и претендовала формальная логика (были философы и ученые, включая Рассела и великого Гильберта, которые пытались всю науку основать на формальной логике). С другой стороны, как показали В. Гордиенко и С. Дубровский («Логические основы самоорганизации природы», www.philprob.narod.ru), явления самоорганизации (т. е. синергетические) великолепно описываются и соответствующие задачи решаются не только формализмом нелинейных дифференциальных уравнений, но и в терминах теории множеств.

Другой аргумент, которым Ю. Данилов и другие синергетики основывают право их дисциплины на роль сверх науки – это то обстоятельство, что множество явлений действительности, описываемых синергетикой (явлений самоорганизации больших и сложных систем), ее понятиями и ее методом, подходом, захватывают сферы действия многих других наук. Это действительно так, но тут надо разобраться, как вообще соотносятся между собой сферы действия различных наук. Природа, действительность не подозревает о существовании наук, так и сяк делящих ее на части. Она едина, неразделима без обрыва каких-то связей между разделяемыми частями. Кроме того, действительность обладает бесконечным числом качеств. Деление ее между науками на сферы – условно. Осуществляется оно с помощью понятий конкретных наук, понятий, которые какие-то качества действительности рассматривают (и через них определяются), а от бесчисленного множества других – отвлекаются. Как именно это делается, я описал в моей теории понятий («Неорационализм», Киев, 1992) и в цикле статей по Единому Методу Обоснования (Философские Исследования, ЛБ3, 2000; ЛБ1, 2001; ЛБ2, 2002). Но эти другие качества от этого не перестают присутствовать в той части действительности, которую конкретная наука выгородила для себя своими понятиями. Поэтому в принципе все науки залазят своими понятиями в сферы действия друг друга. Т. е. науки не разделены друг от друга непроницаемыми перегородками, как комнаты в квартире. Но поскольку взаимопроникновение наук (как и их разделение) происходит на основе рассмотрения ими разных качеств одной

и той же действительности, то это взаимодействие не приводит к возможности замены одной науки другой и превращения какой-либо науки, включая синергетику, в сверх науку. Синергетика рассматривает, прежде всего, такие качества действительности, как самоорганизация и связанные с ней – аттрактор, величины порядка и т. д. Самоорганизация, как справедливо отмечает Ю. Данилов, имеет место в самых разных сферах и областях действия наук от физики до социологии. Но разве в этих сферах не имеют места быть и другие качества, изучаемые другими науками и не захватываемыми синергетикой с ее самоорганизацией, аттракторами и величинами порядка? Какая связь, скажем, между теорией относительности и самоорганизацией? Так, может, пренебрежем теорией относительности во имя славы синергетики?

Конечно, разные науки обладают разной степенью «проницаемости» их методов, подходов в сферы действия других наук. И в этом отношении синергетика – одна из высоко «проникающих». Но даже если бы она была чемпионом в этом смысле, это не давало бы основания, как показано выше, объявлять ее мета наукой. Но вряд ли она – и чемпион. Скажем, поход, выработанный еще классической механикой, а именно, описание процессов любой природы, как движение точки в n -мерном пространстве параметров (в обобщенных уравнениях Лагранжа), является, как по мне, пока что более проникающим, чем синергетический подход. Выйдя из механики, он распространился и стал базовым во всех естественных науках, без исключения, а кроме того, вошел и в экономику, и в социологию, и во многие другие сферы. А я показываю в «Неорационализме», что его можно и нужно применять и в философии, и исследую на базе этого подхода такие классические философские проблемы, как детерминизм, свобода, этика. В частности, формулирую и доказываю существование и инвариантность оптимальной этики.

Почему я считаю важным уяснение правильного взаимопонимания синергетики с другими науками и отвержение ее претензий на роль сверх науки? Потому что в истории науки было уже много претендентов на роль сверх науки. Это и диалектика и системный анализ (о том и другом у меня есть заметки на этом сайте) и в меньшей степени, информациология, валеология и биоэтика. И это всегда приносило вред науке и обществу. Именем диалектики запрещали в Союзе генетику и кибернетику. Это крайний случай. Но всегда в таких случаях имеет место профанация науки, которой эти необоснованные претензии на сверх научность весьма способствуют. Как это делается в информациологии, валеологии и биоэтике я описал в статье «Биоэтика или оптимальная этика» (см. на том же сайте). Как это делается в синергетике и в связи с ней, описывает сам Ю. Данилов, не понимая, однако, что своими претензиями на сверх научность синергетики он способствует ее профанации.

Еще хуже, чем претензии синергетики на сверх научность, ее претензии на роль посредника между науками, дающего всем наукам общий язык. Вот как об этом пишет Ю. Данилов:

«Синергетика с ее статусом мета науки изначально была призвана сыграть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов, моделей и методов отдельных наук, их полезность для других наук и перевести диалект конкретной науки на высокую латынь междисциплинарного общения».

Стиль выражения, прямо скажем, ближе к религиозно экстатическому, чем к строго научному. Но дело не в стиле. Дело в том, что проблема общего языка для представителей разных наук приобретает сегодня исключительно важное значение для общества. Отсутствие общего языка, особенно в гуманитарной сфере, ведет не только к профанации науки, но имеет прямое отношение к выживаемости человечества в современных условиях, условиях глобального экологического кризиса, информационного взрыва, возможного глобального экономического кризиса, в условиях существования атомного, биологического и химического оружия, религиозных, цивилизационных и прочих глобальных конфликтов и международного терроризма. Для того, чтобы человечество в этих условиях выжило, людям нужно научиться договариваться между собой на основе признания истины, единой для всех (а не у каждого своя правда). А

этого невозможно достичь без общего языка между представителями разных наук, особенно гуманитарных, а также между представителями науки и религии.

Ситуацию, обрисованную мной выше и связанную с ней важность общего языка для науки, не я первый придумал. Об этом сейчас много говорят и пишут. Именно поэтому сейчас так много претензий со всех сторон на это «свято место». Я уж не говорю о большом количестве графоманов от науки, претендующих на роль изобретателей общего языка (ситуация в этом отношении напоминает изобилие лжепророков, появляющееся во все острые моменты истории). Но и представители серьезных наук, как видим, грешат этим. И именно в силу важности сегодня общего языка для науки, так вредны неоправданные претензии на его роль, тем более вредны, чем от более уважаемой и популярной на сегодня науки они исходят.

Возьму на себя смелость утверждать, что общий язык для всех наук, включая гуманитарные, дает Единый Метод Обоснования, а не синергетика. Единый Метод Обоснования – это не сверх наука и даже не наука, описывающая какую-то конкретную область действительности. Это – метод, которым рациональная наука обосновывает свои теории в любой области действительности, метод, выработанный естественными науками в процессе их эволюции. Только до сих пор он не был эксплицитно представлен и применялся всеми учеными естественниками на уровне стереотипа естественно научного мышления. Я представил этот метод эксплицитно, показал его неизменяемость при смене так называемых научных парадигм (Упомянутый цикл статей в Философских Исследованиях) и показал применимость его в том числе и в гуманитарной сфере («Побритие бороды Карла Маркса или научен ли научный коммунизм» и др.). Этот метод дает критерии, отделяющие науку от не науки. Сочетая этот метод с определенной идеей трактовки религиозных текстов, Писания, прежде всего, я показал возможность выработки общего языка и между наукой и религией. («От Моисея до постмодернизма. Движение идеи», Киев, 1999 и на этом сайте).

Но, на пути признания моего подхода стоят, среди прочего, и шумные претензии представителей синергетики на то, что их наука уже обеспечила этот общий язык.

Биоэтика или оптимальная этика

Биоэтику можно условно подразделить на теоретическую и практическую. Практическая – это буддирование в сознании широких масс тех реально существующих и важных для человека и человечества проблем, которые биоэтика включила в сферу своего интереса, и создание институтов и нормативного базиса для практического разрешения этих проблем. Отвлекаясь от теоретической части биоэтики, эту её практическую часть можно только приветствовать, отмечая заодно её несомненные успехи, в частности, в создании комитетов по биоэтике, которые не только появились в изобилии во многих странах, но и успели наработать кодексы этических норм в отдельных областях, типа медицины, фармакологии и т. п. Оправданность создания этих комитетов и выработки норм, даже при отсутствии или незавершенности теоретического базиса биоэтики вытекает из остроты проблем, о которых идёт речь, и насущной необходимости их практического решения сегодня. К числу таких проблем относятся, скажем, экология и трансгенетика. Сегодня, практически ежедневно исчезают отдельные эволюционно возникшие виды живого и появляются искусственно генетически модифицированные. Естественно, что человечество не может себе позволить, с одной стороны творя этот процесс, с другой пребывать в неведении, куда это нас ведёт в конечном счёте. Оно обязано дать ответ себе на вопрос: что можно разрешить, а что нужно запретить в генетике и т. п. И оно обязано дать этот ответ сегодня, а не завтра, ибо завтра может быть поздно. Кроме того в немалом числе случаев, для решения практических этических и биоэтических проблем не требуется ничего кроме опыта и здравого смысла. Базовые постулаты классической этики, типа «не убий» и «не укради», известные нам из 10 заповедей Пятикнижия Моисеева, безусловно возникли гораздо раньше Пятикнижия и именно на основе опыта и здравого смысла. Уже первобытные племена сообразили, что убивать почём зря своих соплеменников, себе, т. е. племени, дороже обходится. И даже в стае диких животных, например волков, убийство своих соплеменников в той или иной степени табуировано.

Однако, действительность, в которой живёт человечество сегодня, действительность, сотворенная самим человеком, несравненно сложнее действительности, в которой жил первобытный человек. Поэтому нет оснований надеяться на то, что все проблемы, стоящие перед современным человеком, в том числе и те, что поднимает биоэтика, можно успешно разрешить только на основе опыта и здравого смысла. Пусть даже и с помощью институтов, вроде упомянутых комитетов, созданных для этого. Мало того, и постулаты Декалога далеко не все однозначно выводимы на основе лишь опыта и здравого смысла. «Не убий» и «не укради» да выводимы, потому что любое общество, начиная с первобытного племени, отказавшись от этих постулатов, очень быстро становится на грань самоуничтожения. Но «не прелюбодействуй» и все нормы половой морали далеко не так жёстко связаны с выживанием, как «не убий» и «не укради» и поэтому во всей человеческой истории, начиная от первобытного строя и кончая современным обществом, то, что реально принималось в этой области у разных народов и даже у одного и того же народа, в разные периоды его жизни, варьировалось в самых широких пределах от абсолютной вседозволенности Содома и Гоморы, Римской империи времён её упадка и современного либерального западного общества, до средневековой аскезы и русского Домостроя. Тем более не следует ожидать, что можно не просто прийти к некому соглашению, которое неизвестно к чему нас приведёт завтра, а принять обоснованное решение по таким вопросам как, что разрешать, а что запрещать в генетике, на основе лишь здравого смысла и с помощью хороших институтов. Т. е. кроме комитетов нужна теория.

И тут возникает прежде всего далеко не праздный вопрос, что, вообще, есть теория, и что есть наука, считающаяся царством теорий. Что отличает науку от не науки и существует ли вообще такое отличие? Вопрос этот не праздный потому, что в современной западной философии

фии восторжествовали концепции релятивизирующие науку вплоть до небезызвестного выражения Фейерабенда: «не существует никакого научного метода; не имеется никакой простой процедуры или множества правил, которые лежат в основе какого-либо исследования и гарантируют, что оно является научным и тем самым заслуживает доверия [1].

Релятивизация науки сама по себе породила одну из глобальных проблем современного человечества, которую некоторые называют возвратом средневековья. Подрыв авторитета науки привёл сегодня к возрождению и большому распространению в западном мире почти исчезнувших мистических учений, вплоть до чёрной и белой магии, и всевозможных псевдонаук вроде астрологии, космофизики и т. п., а также к появлению бесчисленного числа новых. И все они рвутся добиться признания себя науками наравне с физикой, открывают академии, колледжи и т. п., вплоть до 3-х месячных курсов, выпускающих дипломированных колдунов. Всё это приводит к дебилизации общества.

Вот только один пример. Популярная воскресная газета «Обсервер» опубликовала статью Робина Макки «США выгнали Дарвина из начальных классов [2], в которой речь идёт о наступлении в Америке клерикалов, добившихся запрещения преподавания теории эволюции в школах многих штатов. 45 % американцев верят в сотворение в буквальном смысле, т. е. не более 10 тыс. лет назад, вопреки данным науки. Не менее, если не более успешно идёт наступление клерикального мракобесия и в России и в Украине.

Мы знаем, к чему привела дебилизация, основанная на суевериях, псевдонауке и клерикальном мракобесии, средневековое общество. Но то были просто цветочки по сравнению с тем, к чему может подобная дебилизация привести современное общество, обладающее атомными игрушками и вступившее в соревнование с Творцом, пытаясь переделать сотворённый им мир, теперь уже на генетическом уровне. Эта дебилизация имеет прямое отношение и к биоэтике. Согласно В. Поттеру забота глобальной биоэтики – это сохранение жизни на земле, а дебилизация ей непосредственно угрожает. Возьмём, например, те этические нормы, которые разрабатывают биоэтические комитеты. Комитеты не могут навязать их обществу. Они могут только предложить эти нормы правительству, чтобы оно их утвердило. Но в демократическом обществе правительство избирается большинством и, если это большинство дебилизировано, то соответствующим будет и правительство и оно эти нормы может не принять. Но даже если правительство примет эти нормы, то это ещё не всё. Ведь этические нормы отличаются от юридических законов и хотя некоторые из них и можно подкреплять юридическими законами, но главный смысл этических норм в том, чтобы они стали внутренней сутью человека. Тем более, что никакими юридическими законами невозможно подкрепить требование любить своего ближнего или требование врачу с теплотой относиться к пациенту. Поэтому надо ещё убедить общество, что данные нормы хороши. Но общество дебилизированное, со множеством неправильных стереотипов, убедить в правильных нормах гораздо тяжелее.

И, наконец, главный вопрос, связанный со статусом и авторитетом науки в обществе: а как комитеты будут определять, какие нормы хорошие, а какие плохие в мало-мальски нетривиальных случаях?

Я знаю только два способа принятия решений, заслуживающих внимания: демократический голосованием и рационально-научный через обоснование. (Прочие, вроде подбрасывание монеты и монаршим волеизъявлением, я не рассматриваю). Разница между этими двумя способами видна из простого примера: инженерия, основанная на рациональной науке, решая вопрос, строить ли мост дугой вверх или дугой вниз, никакого голосования не устраивает, ибо наука доказала, что только дугой вверх. Метод демократического голосования является наилучшим в сравнении с теми, которые я не стал рассматривать. Но ясно, что в нетривиальных случаях правыми, как правило оказываются одиночки, а не большинство. Обсуждения, предшествующие голосованию, с привлечением специалистов разного профиля, как то представителей разных религий, философов и учённых помогает делу, но, как видно из многих подоб-

ных обсуждений, вошедших сегодня в моду в случаях межнациональных и межрелигиозных конфликтов, – не очень. Поэтому можно сказать, что желательно было бы, чтобы комитеты по биоэтике вырабатывали свои нормы с помощью рационального научного обоснования их. Но в связи с вышеупомянутым господством релятивизаторов науки возникает вопрос: возможно ли это хоть в какой-то мере. Для того, чтобы это было возможным, необходимо выполнение следующих условий.

Во-первых, нужно чтобы рациональная наука в своём собственном царстве, в сфере естественных наук, обладала, вопреки мнению Фейерабенда, методом обоснования, отличающим её от гадалки на кофейной гуще, и чтобы этот метод был единым и не изменялся в соответствии с представлениями Куна [3] и других релятивизаторов от парадигмы к парадигме, от одной области знания к другой и от одного сообщества учённых к другому.

Во-вторых, не обходимо, чтобы метод этот можно было перенести (пусть с соответствующей адаптацией) из сферы естественных наук в гуманитарную сферу (или какую-то часть её).

И в третьих, нужно, чтобы биоэтика была наукой и владела и пользовалась этим методом.

Начну с последнего. В какой степени биоэтику в её нынешнем состоянии можно рассматривать как науку? Для того, чтобы дать строгий и точный ответ на этот вопрос, нужно сначала дать строгое же определение того, что есть наука, а это отбрасывает нас к вопросу, чем наука отличается от ненауки, если отличается. Но этим вопросом я хочу заняться потом. Поэтому я пока ограничусь рассмотрением того, как сама биоэтика, точнее её представители, пытаются обосновать её научность. Вот, например, В. Кулиниченко [4] пытается доказать научность валеологии (а биоэтику он рассматривает, как часть валеологии), отправляясь от критерия научности по К. Попперу. Спрашивается, а почему по Попперу? Нет проблемы показать, что принцип фальсифицируемости, являющийся стержнем попперианского фоллибилизма, решительно недостаточен для установления научности теории. Можно с лёгкостью насочинять сколько угодно теорий, которые безусловно будут фальсифицируемы, но не будут тем не менее иметь никакого отношения к науке. Например, утверждение, что Волга впадает в Северный Ледовитый Океан легко фальсифицируемо, но помимо того, что оно неверно, оно также никакого отношения к науке не имеет. Так что получается «по Попперу», потому что модно. Но пусть будет по Попперу, посмотрим, как это делается. После изложения требования фальсифицируемости теории В. Кулиниченко пишет:

«Отрицаний валеологии достаточно, как в научных публикациях, так и средствах массовой информации, что является причиной размежевания учёных на два непримиримых лагеря: последовательных адептов валеологии и её не менее последовательных врагов [5].

И этим заканчивается обоснование научности валеологии по Попперу. Получается, что, чем больше есть отрицаний научности данной теории, тем она на самом деле научней.

Конечно, строго говоря, этот пример не доказывает ненаучности биоэтики (или валеологии). Строго он доказывает лишь несостоятельность попытки Кулиниченко доказать её. Но он свидетельствует об атмосфере весьма далёкой от науки, которая имеет место, не только в биоэтике или валеологии, но в большей части гуманитарной сферы сегодня. В атмосфере нормальной науки такого рода «доказательства» просто немислимы. В то время как гуманитарная сфера в целом и биоэтика и смежные ей области, в частности, изобилуют ими. Вот ещё пример из того же Кулиниченко.

В начале своей книги он заявляет, что в основании валеологии среди прочего находятся психоаналитические теории Фрейда, Юнга и Адлера. В дальнейшем он пишет:

«...в 20-м веке в европейской культуре возникает и развивается точка зрения, ставшая после работ З. Фрейда почти азбучной, о том, что нравственность – нередко фальшивая поза, имидж, маска на истинном лице человека. Мораль начинают понимать, как социальную форму внешнего давления и культурного насилия, как навязывание стереотипов мысли и поведения, как цензуру [6]. Ясно, что Кулиниченко против этого. Я тоже. Но я могу доказать, доказать

так, как это доказывается в рациональной науке, что Фрейд не прав, и что его теория далека от научной обоснованности. А если бы я не мог этого доказать и не привёл бы тут же этих доказательств, то я не имел бы права голословно отвергать выводы теории, до сего дня считающейся научной. Это классическая норма научной этики и нет сомнения, что научная этика должна быть частью биоэтики и важной частью, учитывая исключительную роль науки в жизни современного общества. Кулиниченко же не только и здесь ничего не доказывает, он вообще не приводит никаких аргументов в пользу своего разгрома фрейдизма. Вот он так считает и всё. Ну, а немало других учёных и философов до сих пор считают прямо противоположно Кулиниченко и вполне согласны с Фрейдом. Несколько лет назад, например, в Израиле обсуждалась на телевидении проблема проституции. Участвовавшая в обсуждении профессор-сексолог заявила что наука, в частности Фрейд, доказали общественную полезность проституции. После чего ведущему ничего не осталось как только развести руками и резюмировать: «Против науки спорить нельзя». Спрашивается, а какому из профессоров должен верить рядовой член общества? И какая мораль может быть в нём воспитана зомбированием ему мозгов с противоположных направлений с использованием авторитета науки и разглагольствований о плюрализме. И как можно вводить в основание науки (научность которой ты доказываешь) теории, которые сам же признаешь неверными?

И наконец, свойственная биоэтике манера исходить из всех мыслимых и немыслимых теорий и учений, в том числе религий, и из чем большего числа, тем лучше. И при этом называть себя наукой. Намерение опереться на всю человеческую мудрость – похвально, но благими намерениями, как известно, дорога в ад вымощена. В принципе можно строить научную теорию, базируясь на нескольких уже существующих. Можно и религию сочетать с наукой. Но ведь это нужно делать, а не только декларировать намерение это сделать. Ведь между не только религиями, но даже между конфессиями одной религии, скажем христианства, существуют противоречия, которые они уже много столетий не могут утрясти.

Рациональная наука может быть построена на нескольких противоречащих друг другу теориях – гипотезах. Но она при этом переделывает теории – гипотезы, уточняя их понятия и таким образом устраняет противоречия между ними и достигает синтеза. Так, например, произошло, когда квантовая теория синтезировала волновую и корпускулярную теории света. Но я пока что не видел в биоэтике (также как в валеологии) синтеза с устранением противоречий, ни между католицизмом и православием или протестантизмом, ни между Фрейдом и Адлером, ни тем более между христианством в целом и психоанализом в целом.

К сожалению эта подмена науки благими намерениями в сочетании с её релятивизацией в философии и вытекающим из неё отсутствием четких критериев научности приводит не только к падению авторитета науки в обществе. Она приводит к очень опасному явлению внутри самой науки, особенно гуманитарной. А именно к зашлаковыванию науки огромным количеством людей, которым в науке места не должно быть. Которые, не обладая соответствующими способностями, обладают лишь непомерными амбициями и жаждой власти и, благодаря упомянутому отсутствию критериев, весьма успешно делают карьеру, а украсившись желанными степенями и званиями, вплоть до академиков, начинают душить и не пускать всех тех, кто способен делать науку. В результате возникает ситуация, которую я считаю едва ли не главной из глобальных проблем, стоящих сегодня перед человечеством: с одной стороны человечество как никогда нуждается в новых учениях глобального характера, причем не в благостных утопиях, а в научно обоснованных теориях, с другой стороны, на пути таких теорий стоит пробковый слой философского истеблишмента, не способного и не желающего принимать настоящих теорий. Как я уже сказал, эта ситуация глобальна, но в Украине и России она усугубляется ещё недавним 70 летним господством «единственного и непогрешимого» марксизма и доходит временами до маразма, до наукообразных словоизвержений, начисто лишённых смысла. Вот пример:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.